

По пустыне с грохотом неслись всадники. В мутном мареве раскаленного воздуха их плащи сливались с пейзажем.

Каждый из всадников был одет в черную накидку с вуалью, защищающей лицо от песка и ветра. Всадник, ведущий колонну внимательно всмотрелся вдаль и вдруг резко дернул за поводья.

— Шисюн, мы на месте? — остальные всадники тоже остановились. Один из них стянул с подбородка вуаль; лицо его оказалось молодым. — Клянусь, это путешествие - самое утомительное из всех.

Старший всадник не ответил ему. Он вынул из-за пазухи свиток из кожи овцы и развернул его. Наконец после тщательного сравнения карты с пейзажем вокруг он кивнул.

— Место то. Через пять ли мы пересечем границу империи Юйтянь. Наставники из храма Цзюлун уже должны быть там.

— Ах, шисюн, неужто этот монах такая большая шишка? — к старшему подошел юноша и горестно вздохнул. — Вся эта спешка меня измотала.

— После смерти Ванью монахи храма Шаолинь пришли в храм Ханьшань. Они обнаружили, что Ванью тайком сжег зал Лоча и все тридцать две тайные техники уже давно превратились в пепел. Тот монах, Усинь, - единственный, кто знает все эти техники. Если уж город Сюэюэ влез в это дело, то почему бы и остальным не захотеть поучаствовать в этом? — старший спокойно сложил карту.

— Но те секретные техники зала Лоча принадлежат буддийским храмам. Если не Шаолинь, то Юньлинь заполучит их. Городу Ушуан они в любом случае ничего не оставят. И если мы украдем монаха вместе с его техниками, то не станем ли мы всеобщим врагом?

— Да, ты прав. Из всех лучших и редких техник те тридцать две ценятся едва ли не выше остальных. Вот только для нас они бесполезны, так что узнавать их нам бессмысленно.

Юноша радостно рассмеялся. От его строгого шисюна можно было редко услышать похвалу.

— Вот только... — продолжил старший. — И сам монах не так прост.

— Он какая-то особенная личность? — заинтересовался юноша.

— Ты когда-нибудь слышал имя Е Динчжи?

— О, не смейся надо мной, шисюн. Каким бы неучем я был, если б не знал главу темной

школы? Когда он со своими людьми двенадцать лет назад вторгся на нашу территорию, от Центральных равнин почти ничего не осталось! Говорят, его именем пугают детей. Мы все здесь выросли на рассказах о Е Динчжи. И пусть он был плохим человеком, это не умаляет его гения! — юноша в восхищении вздохнул.

— Двенадцать лет назад он в одиночку дошел до дворца в Тяньци, и никто не смог его остановить, — согласно кивнул старший. — Только там он встретил достойного противника в лице Байли Дунцзюня, тогда еще ученика города Сюэюэ. Вскоре подросли и остальные семь великих школ, которые пленили его и замучали до смерти. Несмотря на то, что последователи дьявольского учения все еще были сильны, после смерти главы они заключили договор с императором, по которому в течение следующих двенадцати лет им запрещалось ступить на землю Центральных равнин.

— Ой, да помню я... — отмахнулся юноша. — Это был договор о перекрытии рек и гор. Шисюн, даже уличным сказочникам надоело это рассказывать.

— Конечно. Вот только сказочники не знают, что договор включал в себя заложника. То был пятилетний сын Е Динчжи. Поговаривали, что даже в таком юном возрасте он был, как и отец, очень умен. Пусть ему и было всего пять, он мог сражаться наравне с некоторыми старейшинами. Все школы хотели забрать этого ребенка себе: и город Сюэюэ, и храм Шаолинь, и даже наш город Ушуан. Но в конце концов мальчика забрал великий наставник Ванью из храма Ханьшань. Пусть храм и был невелик, но весь мир знал мастера Ванью, основателя шаньдао[1]. Если такой человек был готов взять на себя бремя содержания этого ребенка, то остальные школы были согласны отдать его. Если же кто-то из них принял бы мальчика к себе, то непременно ополчил бы против себя весь мир. Но и допустить, чтобы преимущество захватила себе другая школа, никто не мог. Ванью, отошедший от мирских дел, конечно, казался лучшим вариантом. Но, оказалось, что и у него были свои планы: он позволил ребенку главы темной школы учить техники в зале Лоча.

— Получается, мы пришли сюда, чтобы схватить этого монаха и... — юноша неуверенно замолчал.

— Для начала, вернем техники из зала Лоча их владельцам, будь то храм Шаолинь или Цзюлун. Они перестанут вступать в конфликт, как только вернут свое. Что же до Усиня, то он будет наш. Мы не можем позволить городу Сюэюэ увести его у нас из-под носа. Когда этот городишко еще не был даже основан, наш город Ушуан уже не имел себе равных! Но сейчас? Старшее поколение сдерживает свое негодование и мы, младшие, должны бороться за славное имя нашего города, — старший воодушевленно стиснул кулак.

— Получается, даже семь наставников храма Цзюлун не смогут остановить того монаха? — встрял юноша, ничуть не волнуясь о распушившем в героическом порыве перья шисюне.

— Храм Цзюлун не занимается боевыми искусствами. Только их построение архатов можно назвать более-менее сильным. Настоятель, наставник Дацзюэ, — самый сильный монах из всех когда-либо служивших в храме Цзюлун. Я слышал, как наш учитель упоминал, что тому удалось успешно изучить технику Несокрушимого цзиньгана.

— Несокрушимый цзиньган? Несокрушимый, неподвластный ядам, непробиваемый и непобедимый... Да это же одна из десяти лучших техник буддийских школ. Даже в храме Шаолинь нет ни одного монаха, который освоил бы ее... — юноша задумался на мгновение и вдруг пораженно воскликнул, — И даже этого недостаточно, чтобы поймать того монаха?

— Достаточно этого или нет мы узнаем только когда доберемся туда. Три дня и три ночи мы в спешке мчались сюда. Теперь наша цель всего в пяти ли, а стою тут и болтаю с тобой... — старший повернулся к юноше. — Знаешь ли ты, почему я так сделал?

Юноша покачал головой.

— Мысли шисюна слишком глубоки.

— Хоть мне и не хочется это признавать, но наш учитель сказал, что ты — самый талантливый ученик в нашем городе за последний век. Если город Ушуан когда-нибудь захочет вернуть себе место сильнейшей школы в мире боевых искусств, мы будем полагаться на тебя. Вот почему твой шисюн надеется, что сейчас ты сделаешь все возможное, — старший натянул поводья и ударил лошадь пятками. — Империя Юйтянь перед нами, вперед!

И он бросился вперед.

Юноша на миг ошеломленно застыл, но вскоре опомнился и поспешно дернул поводья. На лошади он ездил так себе, поэтому всегда плелся в хвосте колонны. Только приложив уйму усилий, ему наконец удалось догнать шисюна.

Тот окинул его взглядом и невольно нахмурился.

— Что ты хочешь спросить?

— По-почему шисюн не рассказал мне это перед отъездом? — юноша тяжело дышал, будто он бежал все это время, а не его конь. — Почему ты рассказал мне это только теперь?

— Твой шисюн просто... — старший взглянул на юношу и вздохнул. — Просто боялся, что ты забудешь по дороге все сказанное...

— О... тогда все ясно! — юноша понимающе закивал.

Его шисюн со вздохом опустил голову. "И почему наше наследие зависит от такого дурачка, как он?" — печально подумал он.

— Так это тот Несокрушимый цзиньган, о котором говорил наставник Ванью? — Усинь вмиг очутился рядом с наставником Дацзюэ и с силой ударил его кулаком. Тотчас раздался звон, будто вместо человека он ударил по бронзовой колонне. Усинь удивленно застыл, а затем отступил.

— Что такое? — спросил его Лэй Уцзэ.

— Больно! — Усинь скривился и потряс рукой.

— Ха-ха-ха, хочешь, научу тебя своим Невидимым кулакам? Твоя ци ударит по противнику еще до того, как кулак коснется его. Боли не почувствуешь, это я обещаю, — Лэй Уцзэ гордо улыбнулся.

— Техника Несокрушимого цзиньгана требует много ци. Несмотря на то, что наставник Дацзюэ владеет ей в совершенстве, ему уже далеко за семьдесят. Просто затяни битву и не лезь на рожон, — посоветовал Сяо Сэ.

— Боюсь, так не получится, — Усинь покачал головой.

В это время остальные монахи с трудом выстроились в ряд позади наставника Дацзюэ, закрыли глаза и принялись петь мантры.

— Это... — Сяо Сэ нахмурился.

— Завершающая форма построения, объединение архатов. Теперь вся их ци отдается наставнику Дацзюэ. Если я хоть попробую затянуть битву, то, боюсь, первым от усталости упаду я, — хотя голос Усиня дрожал, сам он все еще улыбался.

— Ну и что тогда ты будешь делать? — спокойно спросил Сяо Сэ. Никто не знал точно, сколько тайных техник этот хитрый монах еще не показал, так что вопрос о том, можно ли его победить сочетанием построения архатов и Несокрушимым цзиньганом, все еще был не решен.

— Если он хочет использовать против меня построение архатов и Несокрушимого цзиньгана — пожалуйста! Я все равно разрушу построение! А если эта техника делает несокрушимым его тело, то я сокрушу его душу! — улыбка стерлась с лица Усиня. Он резко шагнул вперед и снова ударил наставника Дацзюэ, соглашаясь окрестности медным звоном.

Удар! Еще удар! За миг Усинь нанес с десятков ударов.

Вот только наставник Дацзюэ не сдвинулся и на шаг и просто выгнул бровь.

— Великая ладонь, идущая душу?

Усинь словно стал другим человеком. Исчезла вся его изящность и спокойствие, оставив место пылающей ярости, от которой, казалось, вскипала его ци. Храм позади наставника Дацзюэ почти развалился от ударной волны.

— Дацзюэ, — выкрикнул Усинь. — Знаешь ли ты, почему мой наставник стал одержим?

Наставник Дацзюэ молча сложил руки в молитвенном жесте и позволил Усиню дальше безрезультатно бить его.

— Это из-за таких, как ты, следующих за фальшивкой, за неверным представлением Будды! — взревел Усинь. Монахи позади Дацзюэ дрогнули и принялись с большим усердием читать мантры.

— Мой наставник говорил, что я родился с дьяволом в сердце и следовать пути Будды у меня не выйдет. Поэтому он позволил мне войти в зал Лоча - так я смог следовать буддизму через путь дьявола. А теперь посмотри на себя! Посмотри, Дацзюэ! Столь стремился покорить демона, что даже стал им?!

— Мы с тобой обычные люди, — наставник Дацзюэ вздохнул и наконец нанес ответный удар.

Гневный вопль Усиня эхом докатился до подножия горы. Заслышав его, Ван Жэньсунь опустил меч.

— ...посмотри на себя! Столь стремился покорить демона, что даже стал им?!

Учань тоже остановился и, сложив руки перед собой, тихо вознес молитву Будде. Когда они впервые встретились с Усинем, он уже слышал эту фразу.

К этому моменту серая ряса на Учане уже была изорвана в клочья, да и сам он порядочно помят. Тан Лянь, стоявший рядом, выглядел еще хуже, стоя в кругу использованного секретного оружия. Каждое из них было знаменитого в мире боевых искусств, но ни одно не могло сравниться с мечом Суйкун[2] Ван Жэньсуня.

Что Тан Лянь, что Учань, - оба они были в плохом состоянии, но при этом понимали, что Ван Жэньсунь уже проявил к ним милосердие. Иначе они были бы уже мертвы.

— Вы уже нашли ответ на вопрос? — вдруг спросил Ван Жэньсунь.

Учань молча переглянулся с Тан Лянем.

Ван Жэньсунь вдруг расхохотался и взмахнул мечом в сторону горы. Тан Лянь почувствовал, что старые легенды оживают у него на глазах.

Один удар способен расколоть небеса!

Почувствовав что-то, наставник Дацзюэ резко повернулся.

— Ван Жэньсунь! — взревел он.

Меч прилетел из ниоткуда, и наставнику Дацзюэ оставалось только встретить его в лоб, и защититься ладонью. Холодная сталь встретила со столь же прочной кожей.

Вдруг меч дрогнул и улетел обратно, и наставник Дацзюэ попятился, сплевывая кровь.

У подножия горы Ван Жэньсунь поймал меч. Лицо его было очень бледно, да и сам он за минуты будто состарился на десяток лет. Он оперся о меч и взглянул на гору.

— Идите, — тихо сказал он и прошел мимо Учаня и Тан Ляня.

Примечания:

[1] - ...но весь мир знал великого наставника Ванью, основателя шаньдао. - здесь шаньдао - техника медитации буддийских монахов, к слову, реально существующая. Уже упоминалась в 9 главе.

[2] - 破空 - меч Суйкун, что дословно переводится как "меч, способный разорвать, рассеять небеса".

<http://tl.rulate.ru/book/27215/1500532>